Содержание

Илья Виницкий. Граф Хвостов и граф де Местр:	
Гео-филологические фантазии в эпоху наполеоновских	
войн	91
Арина Косарева. Об одном французском источнике	
«Скучной истории» А. П. Чехова	127
Александра Пахомова. Стратегии репрезентации литературн	иой
группы (на примере объединения эмоционалистов)	
труппы (па примере объединения эмоционалистов)	15
Виктор Димитриев. Литературный контекст повести Юрия	
Фельзена «Обман»	152
ΨC/IDJCIIα "OOMaii"	132
Инна Носкова. О версификационной идентичности поэмы	
Э. А. По «Ворон» в переводе Г. В. Голохвастова	171
5. А. 110 «ворон» в переводе 1. в. голохвастова	1/1
A way and way The way way and way way and and a way and Construct a Whole	TO:
Александр Гришин. «О каждом из нас заботится Сталин в Крем	
От стиуотворения Миуалкова к плакату Говоркова	-181

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская, А. А. Кобринский (ответственный редактор), О. В. Макаревич, А. А. Чабан

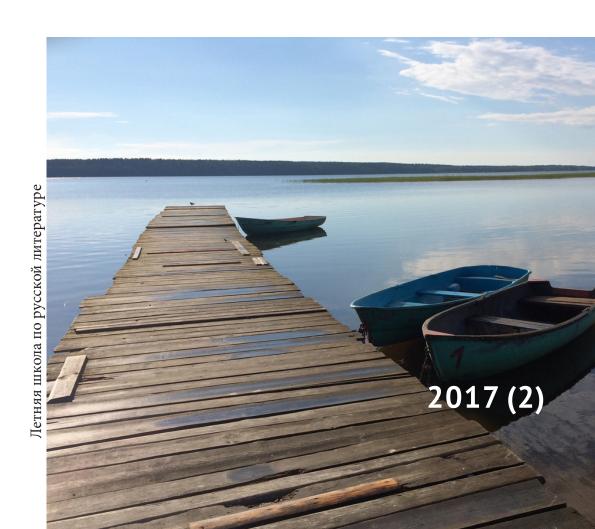
Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К. Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

http://schoolsummer.jimdo.com

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: BH017186 ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

Сдано в печать 4 декабря 2017 года

- © Авторы статей, 2017
- © «Летняя школа по русской литературе», 2017

С 30 ноября 2017 года включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Информация об авторах

Илья Виницкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США ivinitsk@gmail.com

Арина Косарева, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия arianakosareva@gmail.com

Александра Пахомова, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония aleks.pakhomova@gmail.com

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия ganthenbein@gmail.com

Инна Носкова, студентка Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия noskova.inna@mail.ru

Александр Гришин, лаборант факультета истории искусств Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия a.i.grischin@gmail.com

Виктор Димитриев (Санкт-Петербург)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ ЮРИЯ ФЕЛЬЗЕНА «ОБМАН»

В статье доказывается, что повесть Юрия Фельзена «Обман» полемически ориентирована на роман В. Набокова-Сирина «Машенька» и обнаруживает типологическую близость с романом Г. Газданова «Вечер у Клэр». Уточняется характер влияния на поэтику Фельзена творческой манеры М. Пруста. Анализируется функция творческой памяти.

Ключевые слова: Юрий Фельзен (Н. Б. Фрейденштейн), Г. Газданов, В. Набоков-Сирин, М. Пруст, литературный контекст, память.

The article substantiates that the novella «The Deception» by Iurii Fel'zen was polemically oriented on the novel «Mary» by Vladimir Nabokov-Sirin and revealed a typological affinity with the novel «An Evening with Claire» by Gaito Gazdanov. The nature of the influence on the Fel'zen's poetics by the artistic technique of Marcel Proust is specified. The function of creative memory is analyzed.

Key words: Iurii Fel'zen (N. B. Freidenshtein), G. Gazdanov, V. Nabokov-Sirin, M. Proust, literary context, memory.

Повесть Юрия Фельзена (настоящее имя Николай Бернгардович Фрейденштейн) «Обман» — первое крупное прозаическое произведение писателя и первая реплика в «неопрустианском» замысле — вышла в издательстве Я. Поволоцкого и К° в серии «Библиотека современных писателей», в которой чуть ранее, в том же 1930 году, был выпущен роман Г. Газданова «Вечер у Клэр». Современники связывали два эти произведения, чему способствовали как время

 $^{^1}$ «Путем поступательного наращивания своих произведений в единое целое Фельзен намеревался создать психологический роман-эпопею о творческом созревании русского писателя-эмигранта по модели, предложенной Марселем Прустом» ($\mathit{Ливак}\ \mathcal{J}$. «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Ю. Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 4).

их появления, схожесть тематики и стилистики, так и манифестируемое ученичество у зарубежных авторов, прежде всего, М. Пруста, автора тадпит ориз нового типа романа-воспоминания. В критических обзорах часто можно встретить имена Газданова и Фельзена, а также В. Набокова-Сирина в контексте размышлений о творчестве молодых эмигрантских писателей, наиболее восприимчивых к западным влияниям. 2 Они, однако, носили спорадический характер и не подразумевали уточнение историко-литературной обусловленности данной близости. Современные исследователи пытаются прояснить поэтологические и отчасти

¹ О влиянии М. Пруста на Фельзена впервые заговорили в связи с появлением рассказа «Две судьбы» (1928), причем как в положительном ($A\partial a$ мович Г. Юрий Фельзен. «Две судьбы» // Звено. 1928. № 5. С. 247-248), так и в отрицательном (Слоним М. Новый корабль // Воля России. 1929. № 1. С. 121) контекстах. Однако, как известно, Фельзен и сам охотно подтверждал важность для него художественного опыта Пруста и охотно включал цитаты из его эпопеи и сам его образ как в художественное, так и в публицистическое творчество. Подробно о рецепции Пруста в русской эмиграции см.: Таганов А. Н. М. Пруст и русское зарубежье 1920-30-х годов // Таганов А. Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920-50-е годы). Иваново, 2003. С. 66-118 (в том числе о Фельзене см. с. 102-114); Morard A. Lectures de Marcel Proust: entre sélection et profusion // Morard A. De l'émigré au déraciné: La «jeune génération» des écrivans russes entre identité et esthétique (Paris, 1920-1940). Lausanne, 2010. С. 181-193. Тема «Газданов и М. Пруст» кажется более неоднозначной. Сам Газданов отрицал, что читал Пруста, когда писал «Вечер у Клэр» (Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ, 1995. С. 105-106). Л. Ливак, опираясь на анализ синтаксиса, находит, что в дебютном романе Газданов только «заигрывает» с модным прустианством, и противопоставляет ему Фельзена (Livak L. The Prodigal Children of Marcel Proust // Livak L. How It Was Done in Paris. Madison, 2003. P. 90-135). C. A. Кибальник практически все влияния, которые принято рассматривать в аспекте заимствований из Пруста, связывает с толстовской традицией, обыгрывание и продолжение которой и было основой литературного контекста «Вечера у Клэр» (Кибальник С. А. Гайто Газданов, Марсель Пруст и Лев Толстой. (О романе «Вечер у Клэр») // Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. С. 25-67).

² Оцуп Н. Гайто Газданов. Вечер у Клэр. Изд-во Я. Е. Поволоцкий и К°. Париж. 1930 // Числа. 1930. № 1. С. 232; *Иванов Г*. В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет». «Защита Лужина», «Возвращение Чорба» // Там же. С. 235; $A\partial a$ мович Γ . «Числа». Книга четвертая // Последние новости. 1931. № 3614. С. 5. В. В. Вейдле к трем перечисленным именам прибавит также Н. Н. Берберову.

историко-литературные основания параллелей между творчеством Набокова-Сирина, Газданова и Фельзена. Ливак предлагает сопоставить с «Машенькой» (1926) Набокова-Сирина и «Вечером у Клэр» (1930) Газданова не романы Фельзена, а его поздний рассказ «Композиция» (1939). Именно на его примере, по мнению Ливака, можно увидеть, как Фельзен, обращаясь к традиционному сюжету (воспоминание о первой юношеской любви), отказывается от идеализации и мифологизации прошлого, понимая, что «повседневная жизнь, которую так легко принять за реальность, есть не что иное как набор шаблонов, стереотипов и пошлых литературных сценариев. <...> в отличие от романов своих коллег, Фельзен развенчивает юношескую идиллию как нечестную попытку эстетизации далеко не идеальной жизни». 1 Е. Н. Проскурина в статье, посвященной повествовательной технике Фельзена, напротив, предлагает сравнить дебютные произведения большой формы. Однако она рассматривает тексты Набокова-Сирина, Газданова и Фельзена скорее в типологическом аспекте, сопоставляя их с точки зрения разной темпоральной организации. И если набоковский герой, с точки зрения исследовательницы, воспринимает прошлое как действительность, воскрешает уходящее время, газдановский Николай Соседов находится во власти ушедшего прошлого, то про фельзенского рассказчика справедливым будет сказать, что он скован настоящим и идею утраченного рая родины заменил утраченным раем «взаимной с Лелей Герд любви».² В свою очередь, А. А. Крюков предлагает роман Набокова

¹ Ливак Л. «Роман с писателем» Юрия Фельзена. С. 26.

² Проскурина Е. Н. Повествовательное пространство прозы Ю. Фельзена // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции. Томск, 2014. С. 285–287. Спорны, однако, некоторые высказывания исследовательницы. К примеру, Проскурина пишет, что, несмотря на то, что «внешние события повести укладываются в десять месяцев, <...> внутренние фрагментарно охватывают всю жизнь героя» (Там же. С. 280), однако этому сложно подобрать подтверждения (можно привести короткое замечание рассказчика о «воображаемом романе», придуманном в 16 лет, и отступление о пребывании героя в Бланвиле). Кроме того, подобное «растяжение» времени противоречит, как кажется, своеобразию метода Фельзена, для которого, в отличие от других авторов, обращение к памяти как раз предполагало минимальное задействование давнего прошлого (об этом ниже).

и повесть Фельзена прочитать под знаком двух различных писательских стратегий, наметивших варианты развития литературы «младшего» поколения эмигрантов. 1

На наш взгляд, связь между тремя произведениями отнюдь не случайна и не может быть объяснена в рамках типологического подхода: в определенной степени и роман Газданова, и повесть Фельзена явились творческими откликами на роман Набокова-Сирина. Прежде всего, обращает на себя внимание функция имени возлюбленной в трех этих произведениях: имя в сознании героев превращается в воображаемый конструкт. В романе «Машенька» Ганин случайно узнает о приезде своей юношеской любви и в течение шести дней (что отсылает, по замечанию А. А. Долинина, к мотиву сотворения мира) 3 подготавливается к встрече, максимально полно воссоздавая их с Машенькой прошлое, которое и становится для героя единственно реальным, в то время как эмигрантское настоящее представляет только «тени⁴ его изгнаннического сна». ⁵ Имя «Машенька» исполнено для героя доступного

¹ Ценным следует признать замечание Крюкова, касающееся различия образов Машеньки и Лели: если первый генетически восходит к классическим героиням русской литературной традиции, то второй антиномически воплощает тип героини европейского романа (Крюков А. А. К вопросу о творческом самоопределении младоэмигрантской литературы: «Обман» Ю. Фельзена и «Машенька» В. В. Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 131-136).

² О внутренних взаимосвязях произведений Набокова и Газданова см.: Кибальник С. А. Газданов и Набоков // Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. С. 231-277. Там же см. и основную литературу по данному вопросу.

³ Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: первые романы // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2009. Т. 2. С. 15.

⁴ Мотив тени, чрезвычайно важный в «Машеньке», организует сюжетно-композиционную структуру дебютного романа Набокова и задает принципиальную неоднозначность дихотомии «реальное — нереальное», положенной, по мнению Ю. И. Левина, в основу романа. «Теневой» квазиреальности берлинской жизни противопоставлена настоящая реальность воспоминания о Машеньке, которую, однако, проблематизирует «пробуждение» Ганина в конце романа, оставляющее и воспоминание о Машеньке в исчерпанной тени прошлого. См.: Левин Ю. И. Заметки о «Машеньке» В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 360-364. 5 Набоков В. В. Машенька // Собр. соч. русского периода. Т. 2. С. 71.

только ему смысла и ассоциируется с подлинной реальностью. В романе «Вечер у Клэр» Николай Соседов, встретившись в Париже с героиней, наконец добивается близости, вследствие чего чувствует, что ее образ, став достижимым, распадается и его нужно будет воссоздавать заново для достижения новой мечты о Клэр: «...пройдет еще много времени, пока я создам себе иной ее образ и он опять станет в ином смысле столь же недостижимым для меня, сколь недостижимым было до сих пор это тело, эти волосы, эти светло-синие облака». Необходимость собрать распавшийся образ Клэр толкает героя к припоминанию своего прошлого, ценностным и композиционным центром которого и является для него встреча с Клэр. Ее именем окрашивается вся жизнь героя, все буквально превращается, как он сам описывает, в Клэр. Как для Ганина, так и для Соседова

¹ Вспомним, что Ганин расстался с Машенькой, «так и не сумев ею овладеть (мотив, спародированный в истории детской любви героя «Лолиты» к прекрасной Аннабеле Ли)» (Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: первые романы. С. 11), и метонимическое движение героя от образа Машеньки к времени и пространству прошлого как бы делает ненужным осуществление физической близости. Герой романа Газданова, вследствие таинственного для него самого паралича воли не воспользовавшись еще до эмиграции возможностью сблизиться с Клэр в отсутствие ее мужа, наконец овладевает ею, встретившись через десять лет в Париже (ср. с девятью годами, отделяющими последнюю встречу Машеньки и Ганина от известия о приезде Машеньки в Берлин), и именно осуществленная любовная связь рассказчика с Клэр и провоцирует воспоминание. Векторы героев произведений Набокова-Сирина и Газданова в этом аспекте противоположны, хоть и направлены в сторону давнопрошедшего. Ср.: «...ведь роман Газданова — это, в каком-то смысле роман о том, что было бы, если бы Ганин встретил Машеньку. Только Ганин переживает бурю воспоминаний в течение недели, а Соседов — за одну ночь вспоминает двадцать лет» (Ухова Е. Ю. Значение памяти у Газданова и Набокова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М., 2008. C. 113).

 $^{^2}$ Газданов Г. Вечер у Клэр // Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 47.

^{3 «}Я нес в себе бесконечное количество мыслей, ощущений и картин, которые я испытал и видел, — и не чувствовал их веса. А при мысли о Клэр тело мое наливалось расплавленным металлом, и все, о чем я продолжал думать, — идеи, воспоминания, книги, — все неизменно торопилось оставить свой обычный вид, и "Жизнь животных" Брема или умирающий орел — неизменно представлялись мне высокими коленями Клэр, ее кофточкой, сквозь которую были видны круглые томительные пятна, окружающие соски, ее глазами и лицом» (Газданов Г. Вечер у Клэр. С. 97).

социальный мир не является ничем другим, как иллюзией. Ганину свойственны приступы «рассеянья воли», 1 Соседов признается в том, что в его жизни нет непосредственной связи между событием и реакцией, и он, погруженный во внутреннее существование, склонен сравнивать это с припадками² «утихающей, но неизлечимой болезни».³ Имена (фантастические образы) Машеньки и Клэр провоцируют и делегируют ретроспективное путешествие героев, выраженное в форме внутреннего созерцания. В повести Фельзена «Обман» мы видим несколько иную картину. В самом начале повести рассказчик получает письмо от берлинской знакомой Катерины Викторовны, в котором та уведомляет его о приезде своей племянницы Елены Владимировны Герд (рассказчик в своих записях нежно именует ее Леля), и просит позаботиться о ней в Париже. Герой «Обмана», почти ничего о Леле не зная, воображает их совместную жизнь, погружаясь в неясную, полную изобретательности фантазию, которую он позже обозначит именем «я и Леля». На шестой день он встречает ее на вокзале, что прямо указывает на связь с «Машенькой». Фактически за пять дней, предшествовавших приезду Лели, рассказчик успевает вполне определенно наполнить ее образ неким воображаемым содержанием. Он также успевает вспомнить свои берлинские разговоры с Катериной Викторовной о Леле: это воспоминание ему необходимо для

^{1 «}На него нашло то, что он называл "рассеянье воли". Он сидел не шевелясь перед столом и не мог решить, что ему делать: переменить ли положение тела, встать ли, чтобы пойти вымыть руки, отворить ли окно, за которым пасмурный день уже переходил в сумерки... <...> А сил не было потому, что не было у него определенного желанья, и мученье было именно в том, что он тщетно искал желанья» (Набоков В. В. Машенька. C. 58).

² Конечно, мотив рассеянности является типологической чертой прозы молодых эмигрантских писателей 1920-1930-х годов, которую они разделяли с современной зарубежной литературой: повествовательное внимание переносится с внешней событийной канвы целиком на события внутренней жизни. Мотивы рассеянности переплетаются с мотивами ожидания: самым характерным примером такой интерференции стал итоговый роман В. Варшавского «Ожидание» (1972), для которого первоначально было выбрано название «Рассеянность».

³ Газданов Г. Вечер у Клэр. С. 49.

уяснения неопределенного беспокойства в связи с ожидаемым приездом. Он делает усилие, чтобы его зафиксировать:

Попробую справиться со своей душевной ленью и эти причины назвать, объединить, вырвать из бессловесной спячки, в которую погружено всё с нами случившееся и вовремя не отмеченное — я достаточно в подобном припоминании упражняюсь, и у меня предчувствие (быть может, искусственно вызванное), что с Лелиным приездом начнется ярко-новое — и, значит, старое, особенно старое, с нею связанное, надо расчистить и привести в порядок. Я даже рад, что между неведомой, вот этой последней минутой — здесь, в комнате, в одиночестве — минутой еще слепой и только заклинающей Лелин приезд и между первой приветливой ее улыбкой — через пять дней — на вокзале будет исполнена вся та утомительная предпраздничная работа, которой цель, чтобы я себя приготовил к какой-то большой радости, приготовил не нравственно, а умственно — скорее сдача счетов, чем индусское обновляющее очищение.1

И если Ганин приводит в порядок прошлое, сеязанное с Машенькой, то герой повести Фельзена приводит в порядок воображаемое прошлое. Однако и в том, и в другом случае мы наблюдаем напряженное, мобилизующее героев ожидание приезда возлюбленной: Машенька прибывает в Берлин, Леля приезжает из Берлина. Достаточно общую параллель подкрепляют детальные совпадения процесса ожидания. Вопервых, время ожидания: шесть дней у Набокова и пять дней у Фельзена. Мотиву сотворения мира в «Машеньке» соответствует мотив рождества в «Обмане»: действие первой части повести Фельзена охватывает промежуток с 7 по 21 декабря 192... года — временной отрезок, предшествующий Рождеству и наступлению Нового года, что придает дополнительный смысл ожиданию рассказчика, который надеется, что с Лелей обретет новую жизнь. Укроме того, приезд Машеньки и Лели

 $^{^1}$ Фельзен Ю. Обман // Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 53. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках номера страницы.

² Стоит заметить также, что для атеистически настроенного Фельзена, как и для его рассказчиков, посюсторонняя материя любви заменила веру в потустороннее: «...нам, людям без Бога и без веры, необходимо хоть что-нибудь осязательно-живое представить божественным, высоким, совершенным, и мы поневоле освящаем те редкие дни и часы любовной разделенности, о которых пишем и говорим, как люди верующие о часах молитвы» (с. 105).

предваряется телеграммой. В «Машеньке» Ганин становится свидетелем присланной Алферову телеграммы, в которой латиницей написано «Priedu subbotu 8 utra», фельзенский рассказчик получает накануне приезда Лели: «встречайте десять утра» (с. 61). Ганин вспоминает о Машеньке, узнав ее на фотографиях, которые демонстрирует Алферов, фельзенский рассказчик также получает фотографию Лели, что подстегивает его воображение во время ожидания. Отдельного упоминания заслуживает еще одна параллель: и Ганин, и герой «Обмана» в шестнадцать лет, еще до первого любовного опыта, создали своего рода воображаемый роман, на который впоследствии наложилась память о Машеньке и о Леле. Герой Фельзена впервые упоминает о нем в связи с рефлексией о ведении записи, воображаемый роман сливается у него с маниакальной страстью к письму (с. 58-59), Ганин придумывает некий смутный женский образ, выздоравливая после

¹ Набоков В. В. Машенька. С. 93.

² На важность фотографического снимка в «Машеньке» и «Обмане» указал и Крюков. Однако с точки зрения исследователя, герои Набокова-Сирина и Фельзена предпочитают фотографиям собственное воображение и не особенно интересуются запечатленным на фотографиях обликом своих возлюбленных. Однако Ганин специально желает пробраться в отсутствие Алферова к нему в комнату и рассмотреть фотографии Машеньки, ему «страшно было подумать, что его прошлое лежит в чужом столе» (Набоков В. В. Машенька. С. 81). В свою очередь, фельзенский рассказчик очень четко осознает, что его восхищенное ожидание Лели и даже построение ее образа отталкивались от знания физических данных героини, он вовсе не «отказывается на нее «фотографию. — B. I.» смотреть» (Крюков A. A.К вопросу о творческом самоопределении младоэмигрантской литературы. С. 132): «Я сперва не поверил громкому ее «Катерины Викторовны. — В. Д. > восхищению, но были фотографии, письма, случайно приведенные слова — и то и другое привлекало меня больше, чем наивные похвалы старой полковницы» (с. 52). А. Яновский указывал на ряд возможных параллелей между «Машенькой» и романом Ф. М. Достоевского «Идиот», в том числе в связи с мотивом разглядывания портрета (фотографии) (см.: Яновский А. О романе Набокова «Машенька» // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 1. С. 840-841). Это справедливо и в отношении повести Фельзена: рассказчик видит фотографию и, отталкиваясь от нее, придумывает образ Лели, влюбляется в нее еще до знакомства. По мнению Р. Ю. Данилевского, мотив влюбленности в портрет в романе Достоевского, в свою очередь, восходит к традиции классической и романтической немецкой драматургии (Данилевский Р. Ю. Героиня романа «Идиот» и некоторые женские характеры в драматургии немецкого просвещения // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 162-178).

тифа.¹ И «Машенька», и «Обман» предполагают двойное прочтение значения слова «роман». В произведении Набокова эта двойственность задается уже эпиграфом из «Евгения Онегина», которым открывается роман «Машенька»: «...Воспомня прежних лет романы, / Воспомня прежнюю любовь...»: 2 «"Романы" здесь имеют двойной смысл: это любовные истории, но это и книги о любовных историях. Эпиграф приглашает читателя разделить воспоминание одновременно литературное и экзистенциальное. <...> Сюжет воспоминания оттесняет постоянно ожидаемое возобновление любовного сюжета — пока не вытесняет его за пределы книги и жизни», 3 — истолковывает смысл эпиграфа Б. В. Аверин.

В творчестве Фельзена (начиная с повести «Обман») двойственность слова «роман» подчеркивается самим повествователем: происходит своеобразная интерференция любовного романа с Лелей, «воображаемого романа», придуманного для уединенных мечтаний, будущего литературного романа и «романа с писателем» (так рассказчик Фельзена обозначает свой неослабевающий интерес к личности и творчеству М. Ю. Лермонтова).

Путь, который проходят герои Набокова, Газданова и Фельзена от имени к воображаемому образу, вызывает в памяти прустовского Рассказчика, который, отталкиваясь от, говоря языком самого Пруста, «имени страны» (le nom de pays), начинает наполнять конкретное имя абстрактными знаковыми комплексами, создавая «страну имени» (le pays de nom). Так происходит с образами Венеции, Флоренции, Пармы и выдуманного Бальбека, посетить которые так мечтает герой. Он догадывается, однако, что имена поглотили живые образы: «Образы эти — рассуждает Марсель, — еще вот по-

¹ Набоков В. В. Машенька. С. 58.

² Кажется неслучайным, что эпиграфом к «Вечеру у Клэр» Газданов выбирает цитату из того же «Евгения Онегина», из «Письма Татьяны к Онегину»: «Вся жизнь моя была залогом / Свиданья верного с тобой». Герой Газданова как бы помещает себя в прошлое, чтобы фантастическим образом двигаться в будущее, герой Набокова художественным усилием переносит прошлое в настоящее, дает ему права и пространство.

³ Аверин Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 7.

чему были неверны: в силу необходимости они были очень упрощены; то, к чему стремилось мое воображение и что мои чувства неполно и неохотно воспринимали из окружающего мира, я, конечно, укрывал под защитой имен; так как я зарядил имена своими мечтами, то имена, конечно, притягивали теперь мои желания; но имена не слишком емки».1

Воображаемый Бальбек не соответствовал реальному, первый приезд в который описывается в романе «Под сенью девушек в цвету» (1919), а знакомство с герцогиней Германтской разрушает ее мифологизированный, сложившийся в сознании Рассказчика образ. Уже в «Обретенном времени» Марсель догадывается противопоставить воображаемой стране имени — страну художника. М. Мамардашвили в контексте прустовской проблематики говорит о том, что наполнение образа иллюзиями («заблуждения встали на место истины») ² неизбежно до тех пор, пока не будет совершено собственного деяния, направленного навстречу образу.

В отношении Фельзена аналогия с принципами воображения прустовского Рассказчика кажется более обоснованной, поскольку в одной из сцен повести «Обман» реминисцируется один из знаковых фрагментов романа «Под сенью девушек в цвету», в котором конкретизируются обобщенные чувственные фантазии Марселя. Прустовский Рассказчик, отдыхая на курорте Бальбек, знакомится со «стайкой» девушек, образы которых приобретают в его воображении неотразимую соблазнительность. Он отправляется в ресторан в Ривбеле и там, сидя за портвейном, бросает на приходящих молодых женщин недвусмысленные взгляды, как бы проигрывая в голове с каждой, с кем встретился глазами, какую-либо любовную ситуацию:

Подобно химическому заводу, поставляющему в большом количестве вещества, которые в природе встречаются случайно и крайне редко, ривбельский ресторан одновременно собирал под своей крышей больше женщин, в которых мне открывались возможности счастья, нежели случай

¹ Пруст М. По направлению к Свану / Пер. с фр. Н. Любимова. СПб., 2013. C. 472.

² Мамардашвили М. Лекции о Прусте. (Психологическая топология пути). М., 1995. С. 96.

сводил меня с ними в течение года на прогулках; вдобавок музыка, которую мы слушали, — аранжировки вальсов, немецких оперетт, кафешантанных песенок, все это было для меня внове, — тоже являла собою некий воздушный мир наслаждений, наслоившийся на тот, и еще сильней опьяняющий <...> Я не был знаком ни с одной из женщин, которых встречал в Ривбеле, но они являлись составною частью моего опьянения, подобно тому как отражения являются составною частью зеркала, — вот отчего они были для меня в тысячу раз более желанны, чем становившаяся все бестелеснее мадемуазель Симона. 1

Ему достаточно чистого воображения, которое подстегивают легкомысленные ресторанные песни. Но после более близкого знакомства с Альбертиной он впадает в исключительную зависимость только от нее. То же происходит и с фельзенским рассказчиком: еще до приезда Лели он отправляется в ресторан и под звуки романсов предается визуальному любовному фланерству. Он рассматривает женщин, чтобы «...не спеша среди них выбирать немногих особенно привлекательных — для переглядывания, для знакомства (конечно, едва ли вероятного), а главное для применения нежности, для воображаемых сердечных разговоров, которые с детских лет (правда, переменив тон — без прежнего жаркого доверия) постоянно и тайно веду» (с. 61).

Совпадение деталей в описании двух сцен подтверждается логикой их включения в произведение: и в случае Фельзена, и в случае Пруста герои-рассказчики, еще не находящиеся во власти будущих своих пассий, как бы рассеивают любовное внимание, довольствуются потенциальным или, по словам фельзенского героя, «воображаемым романом» (с. 59).²

Сближаясь в первой части повести с идеями Пруста, Фельзен полемически ориентирует ее на роман «Машенька», видимо, для того чтобы солидаризироваться с пониманием

 $^{^1}$ *Пруст М.* Под сенью девушек в цвету / Пер. с фр. Н. Любимова. СПб., 2013. С. 418, 424.

² Именно в этом фрагменте, по мнению Е. Н. Проскуриной, особенно проявлен «намек на невстречу <рассказчика с Лелей. — В. Д.> и последующую непредсказуемость сюжетного движения» (Проскурина Е. Н. Повествовательное пространство прозы Ю. Фельзена. С. 287), который появляется благодаря возможной аналогии с «Машенькой».

памяти у первого и размежеваться с функцией творческой памяти у второго. 1 Движение Ганина (как и Николая Соседова) ретроспективное, воспоминания касаются области еще дореволюционного прошлого. Фельзенский рассказчик, в свою очередь, увлечен непосредственной реальностью, он стремится к созданию ее моментального двойника. Не веря в то, что прошлое навсегда остается с человеком, герой «Обмана» пытается удержать в сознании (и на письме) одновременно действительное и воображаемое, притом не смешивая их. В этом смысле его творческая манера работы с памятью отличается и от прустовской. Леля не находится в прошлом, как Альбертина, Машенька или Клэр, она нужна герою постоянно, даже несмотря на то что в конце повести рассказчик Фельзена понимает, что его обожествление любви в действительности обман, что она ни от чего не спасет:

Мне было бы стыдно перечитать, как я прежде любовь обожествлял — теперь, когда обнаруживаю, что по-наивному обманулся, что ничем не отличаюсь от тех «идейных» или верующих людей, над которыми раньше свысока (правда, немного им завидуя) посмеивался, — причем разочарование мое не в Леле, оказавшейся хуже, чем я представлял, и не в ее безответности, и не в том, что всякая любовь неустойчива, конечна и доступна какому-нибудь ничтожеству, вроде Бобки, а только в одном, вдруг остро и бесповоротно понятном: как всё нам известное, как вера и благородные саможертвенные воззрения, любовь — здесь, рядом, не по ту, а по эту сторону, в этом мире, и другого мира — несомненного и непроницаемого — нам не раскрывает и раскрыть не может (с. 172).

Набоковский Ганин занят, можно сказать, даже не воспоминанием, а забвением: с точностью воссоздав воображаемую Машеньку, он освобождается от нее, и сама она, реальная,

¹ В литературный контекст повести «Обман» входит также роман А. Моруа «Превратности любви» («Climats», 1928), один из главных героев которого Филипп Марсен пытается максимально искренне описать свое неидеальное прошлое в развернутом письме к новой возлюбленной, что находит параллель в желании рассказчика Фельзена найти в будущем благосклонную читательницу, для которой «надо всё добросовестно приготовить» (с. 89). Цитату из романа Моруа приводит сам рассказчик, заметив, однако, что ее излишняя уместность доказывает отсутствие у героя своих слов: возможно, таким образом Фельзен хотел избежать нежелательной аналогии.

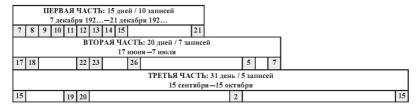
больше его не интересует. Не доезжая до вокзала, куда должна утром прибыть героиня, Ганин решает покинуть Берлин.

Фельзенский рассказчик встречает Лелю на вокзале и погружается в мир нескончаемых любовных перипетий, эту действительность сопрягая с действительностью слова. «Мое стремление "писать" становится подобным страсти» (с. 85), — признается он еще в начале второй части. Письмо для него — единственный способ говорить о самом важном для себя и единственный способ достичь точности. Ему свойственно графоманство в этимологическом смысле слова, что, как известно по воспоминаниям, характеризовало и самого Фельзена. 1 Страсть к письму вполне рассказчиком осознается, в повесть включено как автоописание самого процесса занесения слов на бумагу, так и нередкие попутные рассуждения о природе письма. Составляющие повесть Фельзена три части позволяют увидеть существенную для авторского замысла динамику во временном облике сюжетно-композиционной структуры. Всего повесть охватывает десять месяцев: с 7 декабря 192... года по 15 октября следующего года. Однако они особым образом распределены по частям повести. В течение пятнадцати дней первой части рассказчик делает десять записей (притом, первые девять следуют друг за другом, а последняя — на пятидневном расстоянии), в течение двадцати дней второй части — семь записей, в течение месяца в третьей части — всего пять записей.

В поэтике Фельзена эта динамика демонстрирует важность для рассказчика поиска интервала, достаточного для

¹ «Писал он почти непрерывно, карандашом, на каких-то скомканных листках, которые он вынимал из кармана, писал в кафе, на улице, в метро, без устали перечеркивая, исправляя, сокращая, дополняя. В особенности, дополняя. Ему все казалось, что не все он сказал» (Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб., 2002. С. 285); «Он обычно приходил на свидание в кафе первый и немедленно доставал из бокового кармана сложенные вдвое листки бумаги, покрытые ровным, мелким, разборчивым почерком: черновик. Где и когда он его писал, не знаю!.. Над этими строками, остро очиненным карандашом, он выводил все новые и новые слова» (Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. М., 2012. С. 224). Ср.: «После первого преодоления препятствий, надоедливых и у меня неизбежных (смятая, из кармана, бумага, недостаточно острый карандаш, сознание многих часов отрыва), я незаметно вовлекался в работу и часто не видел, как прибавляются к найденному, придуманному раньше иные счастливые находки» (с. 83).

того, чтобы, с одной стороны, яркость воспоминания сохранилась, с другой — чтобы появилось пространство для любимых героем обобщений.

Подневная запись, понимает рассказчик, была важна на этапе ожидания Лели и первых с ней встреч, когда он старался записать каждое новое наблюдение, менял «первоначальную неуклюжую темноту на упорядоченно-ясную последовательность», отчего его впечатления становились сильнее, его работа придавала всему «живой, не призрачный смысл и обеспеченную длительность» (с. 83). Фельзенский рассказчик видит свою цель в дотошном восстановлении в памяти недавних событий: формально он пишет «дневник», однако каждая запись в его фикциональном дневнике освобождается от предопределенной жанром случайности и фрагментарности. С каждой новой частью в повести Фельзена интервал между записями становится больше, записи обширнее, вместе с тем они касаются только того, что сохраняет для героя живость.

Несмотря на то что многие наблюдения рассказчика в «Обмане» являются реминисценциями прустовских мыслей, 1 у Фельзена весьма неоднозначное отношение к процессу припоминания. Еще в начале повести герой признается, что занят припоминанием только в часы, свободные от столь важной для его письма «любовной доброты и непрестанной ревности» (с. 52). Нечто может стать предметом воспоминания, только когда «остатки тех чувств, того возвышения сохранились, беспокойная прежняя торопливость не мешает» (с. 52).

¹ К примеру, противопоставление произвольного и непроизвольного воспоминания, приоритет случайных ассоциаций, важность любовного страдания как материала для творческого собирания своего «я», связь воспоминания и музыки и др.

Освобождаясь от власти общего, герой стягивает свое внимание к миру потревоженной чувствительности (обида, ревность, напряженное ожидание — главные механизмы пробуждения сознания героя). Именно потому частое определение, которое использует Фельзен со словом память — душевная. В этом сказывается парадокс «русского прустианца»: он не стремится возродить, вернуть прошлое, мало того, к концу повести он убеждается в невозможности этого; однако, вооружившись аналитической оптикой, опираясь на вспоминание недавних событий, герой создает второе, дополнительное измерение своей жизни. Он копит массу разнообразных мелочей: в обнаружении своих подлинных чувств и мыслей он видит единственное оружие против повторения. Внешний мир, включая мир дружбы, для него поверхностен, подвластен духовной лени, 1

¹ Фельзен всегда сторонился любых общих тенденций, которые он обыкновенно сравнивал с «партийностью», в особенности, он избегал общих разговоров о духовности. Это сказалось и в его жизни: на собраниях Мережковских он предпочитал сидеть в кругу З. Гиппиус, где речь велась преимущественно о литературе (Одоевцева И. На берегах Сены // Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 2012. С. 595). Г. Адамовичу при первом знакомстве с Фельзеным «понравилась его трезвость среди других молодых людей, еженедельно по воскресеньям, от пяти до семи, механически становившихся пророками и безумцами» ($A\partial a mosuu$ Γ . Одиночество и свобода. С. 284). Во многом потому столь близок Фельзену был именно Пруст, к личности и творчеству которого представители прежде всего старшего поколения подходили с известной долей пристрастности, обвиняя в эскапическом эстетизме, в поверхностности, в излишнем нарциссизме, выраженном в концентрации повествования на собственном «я». Выразителен пример посвященного Прусту заседания Франко-русских студий, на котором Борис Вышеславцев прочитал целую отповедь Прусту: «Это серединная сфера, никогда не касающаяся границ души. Здесь вы никогда не столкнетесь ни с ничто, ни с вечностью, ни с судьбой. Это поверхность вещей, которая отражается на поверхности души» (Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, 2005. Vol. 1. Р. 170. Цит. по: Токарев Д. В. «Русская душа» и «esprit français»: Обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929-1931) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 463). Д. В. Токарев, исследующий взаимоналожение и отталкивание русского и французского этосов на заседаниях Студии, комментирует подход Вышеславцева: «Текст рассматривается им — вполне в духе русской критической традиции — не с точки зрения самого текста, а с точки зрения его педагогической и идеологической составляющей. Если Робер Оннер считает, что Пруст открыт трансцендентному, духовному, само наличие которого постулируется рассудком в качестве неподвластной ему реальности, то Вышеславцев отказывает Прусту в духовности» (Там же. С. 463).

в то время как «во всех, нас задевающих, особенно любовных, отношениях есть, наряду с происходящим и переживаемым (даже самоубийственно-грустным), какая-то восхищающаяся собой, только что рожденная, упоительно-живая новизна, ради которой до легкомыслия просто и мучиться и умереть и которой нет и не найти в условностях дома Вильчевских, в Бобкиных гетрах, во всем и везде, откуда она изгнана поверхностными, скудно изобретенными, мертвящими повторениями» (с. 90).

Несмотря на искреннюю вовлеченность в процесс припоминания, герой «Обмана» совсем не идеализирует способность человека к обретению утраченного времени, напротив, он полагает, что люди с неизбежностью искажают прошлое: «...все поэтические и высокие люди, со свойственной им беспамятной напыщенной лживостью, невольно придумывают потом, когда уходит от них ощущение часов и минут, как бы вкус времени, которое они восстанавливают» (c. 160-161).

Придирчивая и вечно ускользающая Леля для героя становится своеобразной совестью, постоянно активизирующей в нем требовательность к себе. Потому он склонен считать, что возможно заменить «что-то, потустороннее и будто бы незаменимое, здешней, всепроникающей человеческой любовью» (с. 128). Подобно тому, как ускользает Леля, от рассказчика ускользает прошлое, и он становится «одержим» письмом:

Долго стесняемое вдохновение (вернее, тот неопределенный душевный двигатель, который нам дается чудом, из пустоты, но разрастается, безмерно растягивается от причин, совсем не случайных — от всего, нас кровно задевшего или с нами сроднившегося) — такая неповоротливая сила, после стараний и неудач, мною как бы пущена в ход и меня переводит в особое — напряженно-горячечное, внимательное к мелочам, самое плодотворное и вконец изнемождающее — состояние, вдвойне беспокойное еще и от страха что-то навсегда упустить (с. 171).

Резюмирующий повесть разговор с Лелей — для рассказчика холодный и расчетливый способ узнать подробности взаимоотношений Лели и Бобки, он приводит героя к пониманию, что он наслаждается в действительности обманом.

Однако «без обмана существовать нельзя», считает он: «...мы так устроены, чтобы никогда не выходить из тупика, и среди других постоянных, словно бы издевающихся над нами противоречий — потребность в обмане, хотя бы в неверной, произвольной догадке, точнее, в том странном душевном напряжении, которое только обманом и вызывается и от которого единственно идет самая заманчивая, самая необъяснимая наша деятельность — расталкивать глухую человеческую темноту, извлекая всё новые обрывки бесспорно познанного» (с. 172).

Именно в этом «обмане» герой достигает особого душевного напряжения, которое подталкивает его к дотошной работе со словом, т. е. создает художника. В дальнейших своих рассказах и романах, которые продолжают повесть «Обман», Фельзен развивает философию любви, памяти и творчества, ключевым моментом которой является интенция удержать в неком одновременном моментальном срезе две реальности. В возникающем между этими двумя реальностями интервале и появляется фельзенский маньяк письма, с преувеличенным усердием и парадоксальным образом воссоздающий мир, никогда ранее не существовавший.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Аверин Б. В.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.
- Адамович Г. «Числа». Книга четвертая // Последние новости. 1931. № 3614. С. 5.
- 3. Адамович Γ . Одиночество и свобода. СПб., 2002.
- 4. *Адамович Г.* Юрий Фельзен. «Две судьбы» // Звено. 1928. № 5. С. 247—248.
- Вейдле В. В. Русская литература в эмиграции // Возрождение. 1930. № 1843. С. 3-4.
- 6. Γ азданов Γ . Вечер у Клэр // Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 37–163.
- 7. Данилевский Р. Ю. Героиня романа «Идиот» и некоторые женские характеры в драматургии немецкого просвещения // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 162–178.
- 8. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ, 1995.

- 9. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: первые романы // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2009. Т. 2. C.9-41.
- 10. Иванов Г. В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет». «Защита Лужина», «Возвращение Чорба» // Числа. 1930. № 1. С. 233-236.
- 11. Кибальник С.А. Газданов и Набоков // Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. C. 231-277.
- 12. Кибальник С. А. Гайто Газданов, Марсель Пруст и Лев Толстой. (О романе «Вечер у Клэр») // Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. С. 25-67.
- 13. Крюков А.А. К вопросу о творческом самоопределении младоэмигрантской литературы: «Обман» Ю. Фельзена и «Машенька» В. В. Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 131-136.
- 14. Левин Ю. И. Заметки о «Машеньке» В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 359-369.
- 15. Ливак Л. «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Ю. Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 3-51.
- 16. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. (Психологическая топология пути). М., 1995.
- 17. Набоков В. В. Машенька // Собр. соч. русского периода: В 5 т. T. 2. C. 42-128.
- 18. Одоевцева И. На берегах Сены // Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 2012. С. 497-911.
- 19. Оцуп Н. Гайто Газданов. Вечер у Клэр. Изд-во Я. Е. Поволоцкий и К°. Париж. 1930 // Числа. 1930. № 1. С. 232-233.
- 20. Проскурина Е. Н. Повествовательное пространство прозы Ю. Фельзена // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции. Томск, 2014. С. 279-294.
- 21. Пруст М. По направлению к Свану / Пер. с фр. Н. Любимова. СПб., 2013.
- 22. Пруст М. Под сенью девушек в цвету / Пер. с фр. Н. Любимова. СПб., 2013.
- 23. Слоним М. Новый корабль // Воля России. 1929. № 1. С. 121.
- 24. Таганов А. Н. М. Пруст и русское зарубежье 1920-30-х годов // Таганов А. Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920-50-е годы). Иваново, 2003. С. 66-118.
- 25. Токарев Д. В. «Русская душа» и «esprit français»: Обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929-1931) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 457-478.

- Ухова Е. Ю. Значение памяти у Газданова и Набокова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М.. 2008. С. 109–116.
- 27. Фельзен Ю. Обман // Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 51-174.
- 28. *Яновский А*. О романе Набокова «Машенька» // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 1. С. 837–846.
- 29. Яновский В. С. Поля Елисейские: книга памяти. М., 2012.
- 30. Livak L. The Prodigal Children of Marcel Proust // Livak L. How It Was Done in Paris. Madison, 2003. P. 90-135.
- 31. Morard A. Lectures de Marcel Proust: entre sélection et profusion // Morard A. De l'émigré au déraciné: La «jeune génération» des écrivans russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne, 2010. C. 181–193.